Конечно, я не присутствовала при разговоре, но леди Молли так часто пересказывала мне все, что произошло и как произошло, и с таким количеством живописных и мельчайших подробностей, что иногда мне трудно осознать, что я сама лично при этом не была.

Похоже, что сам месье кюре проводил миледи к мисс Анжеле де Женвиль. Пожилая леди была не одна, когда они вошли; мадам маркиза де Терговен, пожилая, слегка краснолицая женщина, черты лица которой, хотя и были явно грубоватыми, напоминали черты ее сестры, сидела на стуле с высокой спинкой рядом со столом, на котором нервно выбивала пальцами дробь. А в проеме окна стоял молодой человек, чье сходство с обеими дамами сразу же выдало в нем для чуткой к таким вещам леди Молли сына одной и племянника другой – фактически маркиза де Терговена.

Мисс де Женвиль сидела выпрямившись в огромном кресле, ее лицо было цвета желтого воска, плоть буквально сморщилась на костях, глаза странно, неестественно блестели; одна рука лихорадочно сжимала подлокотник кресла, другая, полностью парализованная, безвольно лежала у нее на коленях.

– Ах! слава Богу, наконец-то англичанка! – сказала она высоким, резким голосом, как только леди Молли вошла в комнату. – Идите сюда, моя дорогая, потому что я давно мечтала именно о такой, как вы. Англичанка с искренним сердцем, в конце концов, – лучшее божье создание. Ей-же-ей! Я снова могу дышать, – добавила она, когда моя дорогая леди несколько неуверенно приблизилась, чтобы поприветствовать ее, и взяла дрожащую руку, протянутую ей мисс Анжелой.

– Сядьте поближе ко мне, – приказала эксцентричная пожилая леди, пока леди Молли, смущенная и изрядно раздраженная тем, что появилась в самом разгаре того, что, очевидно, было семейным советом, смутно размышляла, как скоро она сможет снова ускользнуть. Но дрожащая рука парализованной дамы так крепко сжала ее тонкое запястье, заставив опуститься в низкое кресло рядом и удерживая ее там стальной хваткой, что сопротивляться было бы бесполезно и, возможно, небезопасно.

Теперь, довольная тем, что ее новообетенная подруга, а также месье кюре готовы остаться с ней и выслушать то, что она хотела сообщить, больная женщина с выражением сильного гнева повернулась к оконному проему.

– Я как раз рассказывала моему замечательному племяннику, что он считает цыплят перед тем, как они вылупятся. Я еще не умерла, как может видеть месье, мой племянник; и я составила завещание – да, и поместила его туда, куда его вороватые пальцы никогда не смогут дотянуться.

Молодой человек, который до сих пор невозмутимо смотрел в окно, теперь внезапно развернулся на каблуках, оказавшись лицом к лицу со старой женщиной, и в его глазах сверкнула ненависть.

– Мы можем оспорить завещание, – ледяным тоном вмешалась мадам маркиза.

– На каком основании? – поинтересовалась вторая.

– Что ты была парализована и слабоумна, когда сделала его, – сухо ответила маркиза.

Месье кюре, который до сих пор нервно теребил свою шляпу, теперь воздел руки и возвел

глаза к потолку, чтобы подчеркнуть ужас, который он испытал при этом бессердечном предложении. Леди Молли больше не хотела уходить; полупарализованная хватка на ее запястье ослабла, но она сидела спокойно, всеми фибрами своего острого ума заинтересованная разворачивающейся чувствительной драмой.

Наступила пауза, тишина, нарушаемая только монотонным тиканьем монументальных, причудливого вида часов, стоявших в углу комнаты. Мисс де Женвиль ничего не ответила на жестокую насмешку своей сестры, но теперь в ее глазах появилось выражение - вороватое, маниакальное, почти опасное.

Затем она обратилась к кюре.

- Прошу вас, перо, чернила и бумагу - сюда, на этот стол, - попросила она.

Затем, когда он с готовностью подчинился, она снова повернулась к племяннику и указала на письменные принадлежности:

- Садись и пиши, Амеде, - приказала она.

- Что писать? - спросил он.

- Признание, племянник мой, - сказала пожилая женщина с пронзительным смехом. - Признание в твоих маленьких грехах, которые, если я сейчас не приду тебе на помощь, приведут тебя на семь лет в исправительное учреждение, если я не ошибаюсь. А, мой милый племянник?

- Признание? - свирепо переспросил Амеде де Терговен. - Вы принимаете меня за дурака?

- Нет, племянник мой, я считаю тебя мудрым человеком, который понимает, что его дорогая тетя не купится на эти любопытные подлоги, совершенные месье маркизом Амеде де Терговеном и предложенные ей ростовщиком Рубинштейном, если это признание не будет написано и подписано тобой. Напиши, Амеде, напиши это признание, мой дорогой племянник, если не хочешь увидеть себя на скамье подсудимых по обвинению в подделке имени твоей тети на счете на сто тысяч франков.

Амеде сквозь зубы пробормотал проклятие. Очевидно, стрела старухи попала в цель. Он знал, что находится в безнадежном положении. Оказывается, ростовщик пригрозил отправить поддельные векселя месье прокурору Республики, если они не будут оплачены в течение двадцати четырех часов, и никто не мог их оплатить, кроме мисс де Женвиль, которая отказалась сделать это иначе, как ценой столь унижительного признания.

<http://tl.rulate.ru/book/114986/4471318>